

Язык Культура Человек: Сборник научных статей к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой / Редкол.: Ремнева, М.Л. и др. – М.: МАКС Пресс, 2008. 360 с. ISBN 978-5-317-02395-9, стр. 240-255.

Hans Robert Mehlig
Christian-Albrechts-Universität Kiel (ФРГ)

"Модус" и "диктум" у Ш. Балли

Майя Владимировна Всеволодова, которой с глубокой благодарностью и почтением посвящаются эти строки, внесла огромный вклад в сферу, именуемую преподаванием русского языка как неродного. И если я, будучи "инофоном", осмеливаюсь принять участие в сборнике, посвященном юбилею М. В. Всеволодовой, и писать по-русски, то этим я не в последнюю очередь обязан тем многочисленным и весьма полезным "Практическим пособиям по русскому языку для работы с иностранными студентами", которые были созданы М. В. Всеволодовой и ее коллегами. Тематика теоретических исследований М. В. Всеволодовой рождалась из практики преподавания русского языка как неродного. Достоинство ее работ не случайно состоит в том, что в них огромное значение придается коммуникативным механизмам языка. В своем основополагающем труде "Теория функционально-коммуникативного синтаксиса" М. В. Всеволодова неоднократно указывала на ценность работ Ш. Балли и особенно его идеи о необходимости различения диктума и модуса при функциональном описании языка. Предлагаемые заметки посвящены именно рассмотрению диктумно-модусных различий. На примере классификации вопросительных предложений мне хотелось бы обратить внимание на некоторые противоречия в употреблении данных терминов у Ш. Балли и одновременно показать, как некоторым образом модифицированное использование этих терминов позволяет создать непротиворечивую классификацию вопросительных предложений.

В своей книге "Linguistique générale et linguistique française" Ш. БАЛЛИ [8: 39-40] выделяет четыре типа вопросов. Он различает диктальные и модальные вопросы, и внутри этих двух типов он дальше выделяет частичные и полные вопросы. В русском переводе [1: 47-48] эта классификация выглядит так:

1. Диктальный вопрос

1.1. Частичный диктальный вопрос

- *Кто только что вышел?*

- *Павел.*

1.2. Полный диктальный вопрос

- *Что случилось?*

- *Машина только что задавила пешехода.*

2. Модальный вопрос

2.1. Частичный модальный вопрос

- *Павел пошел в ШКОЛУ?*

- *Да, в ШКОЛУ.*

2.2. Полный модальный вопрос

- *Павел ПОШЕЛ в школу?*

- *Да, ПОШЕЛ.*

Как видно из примеров, диктальные вопросы - это вопросы, которые вводятся вопросительным словом. Под модальными вопросами Ш. БАЛЛИ понимает так называемые *да-нет*-вопросы. Я в дальнейшем буду придерживаться терминологии П. АДАМЦА [7: 101] и различать комплементативные ("диктальные") и верификативные ("модальные") вопросы. Термины Ш. БАЛЛИ далее будут указываться в кавычках.

В данной статье мне хотелось бы показать, что различие между "частичными" и "полными" вопросами, как оно представлено в классификации Ш. БАЛЛИ, как у комплементативных ("диктальных"), так и у верификативных ("модальных") вопросов внутри указанных обеих групп не идентично. У комплементативных вопросов это различие относится к коммуникативной функции отдельных компонентов обозначения ситуации. Поэтому это различие можно представить посредством обычного членения высказывания на тему и рему или, в другой терминологии, на топик и комментарий. В отличие от этого, различие между частичными и полными вопросами внутри группы "модальных" вопросов относится не к коммуникативной функции отдельных компонентов, которую они имеют в рамках обозначения ситуации, а к различной коммуникативной функции, которую верификативные вопросы имеют в рамках текста.

Мне хотелось бы начать с некоторых принципиальных положений о коммуникативной функции глагольных высказываний в рамках текста. (Под текстом я понимаю вслед за Т. А. ВАН ДЕЙКОМ [9] любую семантически связанную последовательность устных или письменных предложений.) Любая глагольная предикация несет в себе два разных типа информации. Посредством глагола-сказуемого высказывание, с одной стороны, сообщает о том, что нечто произошло или не произошло, другими словами, она информирует о существовании некой ситуации в рамках данного текста. С другой стороны, при помощи глагола-сказуемого одновременно описывается ситуация, о существовании которой сообщается. Такое высказывание, как

(1) Вчера Петя сократил свою статью.

во-первых, сообщает, что вчера какая-то ситуация имела место, и, во-вторых, обозначает эту ситуацию как *сокращение статьи*. Эту двойную функцию, которую глагол-сказуемое имеет в любой предикации можно наглядно представить с помощью преобразования высказывания в бытийное предложение. Наш пример можно представить посредством следующей бытийной перифразы:

(1a) Вчера имело место сокращение статьи со стороны Пети.

Первым компонентом этой бытийной перифразы является временной локализатор, в нашем примере это *вчера*. Вторым компонентом бытийной перифразы является бытийный глагол, в нашем примере это *иметь место*. Бытийный глагол несет информацию глагола-сказуемого о существовании ситуации в рамках данного текста. При этом речь может идти о фактическом или только потенциальном существовании или несуществовании, и в рамках этих возможностей можно дальше различать настоящее, прошедшее и будущее существование. Слово "существование" при этом не означает, что языковому выражению должно соответствовать некоторое положение дел во внешнем мире. Для лингвистического описания релевантно лишь существование чего-либо в мире говорящего. Третьим элементом в бытийной перифразе является событийное имя, в нашем примере девербатив *сокращение*. Событийное имя в бытийной перифразе несет вторую информацию, которую содержит глагол-сказуемое, а именно, обозначение ситуации, о существовании которой сообщается.

Любой вопрос в рамках текста характеризуется тем, что он может относиться либо к существованию ситуации, либо к ее обозначению. Вопрос позволяет, с одной стороны, выяснить существование, т. е. фактичность обозначаемой ситуации в рамках данного текста. С другой стороны, он может относиться к обозначению ситуации, существование которой в рамках данного текста предполагается. Вопросы, которые относятся к существованию, т. е., к бытийному компоненту глагольной предикации, я называю *экзистенциальными*, а вопросы, которые относятся к обозначению ситуации, *экспликативными*.

Вначале мне хотелось бы пояснить это различие между экзистенциальными и экспликативными вопросами на примере одного верификативного вопроса, который допускает обе интерпретации.

(3) Петя СОКРАТИЛ свою статью?

Если интонационный центр - он в дальнейшем обозначен большими буквами - в верификативном вопросе находится на глаголе-сказуемом, тогда этот вопрос можно понять и как экзистенциальный, и как экспликативный вопрос. В экзистенциальной интерпретации обозначение ситуации, в нашем примере *сокращение*, представляет фоновую инфор-

мацию. Цель вопроса состоит в том, чтобы запросить о существовании (фактичности) этого положения дел в рамках данного текста. Спрашивающий хочет узнать, имело ли место ожидаемое сокращение статьи. В этой экзистенциальной интерпретации в бытийной перифразе интонационный центр находится на бытийном глаголе. Другими словами, в бытийной перифразе обозначение ситуации представляет собой предполагаемую информацию, т. е., тему бытийного предложения, а бытийный глагол представляет собой рему и таким образом несет на себе ударение.

(3а) [Сокращение статьи] _{ТЕМА} [ИМЕЛО МЕСТО] _{РЕМА}?

Однако наш вопрос допускает и экспликативную интерпретацию, так как цель этого вопроса может состоять и в том, чтобы выяснить, что Петя сделал со своей статьей, если спрашивающий, например, хочет узнать, сократил или переработал Петя свою статью. Такая интерпретация вопроса налицо в примере (4)

(4) Петя СОКРАТИЛ свою статью (или он ее полностью ПЕРЕРАБОТАЛ)?

Здесь мы имеем дело с экспликативным вопросом. Так как экспликативный вопрос предполагает существование ситуации, в бытийной перифразе интонационный центр будет не на бытийном глаголе, а на обозначении ситуации. Другими словами, в экспликативной интерпретации в бытийной перифразе место темы и ремы меняется: бытийный глагол - это тема, а обозначение ситуации - это рема, и таким образом, носитель интонационного центра бытийной перифразы.

(4а) [Имело место] _{ТЕМА} [СОКРАЩЕНИЕ статьи] _{РЕМА}?

С помощью этого примера мне хотелось бы показать, что преобразование глагольных предикаций в бытийное предложение и применение к ним членения на тему и рему дает нам возможность наглядно представить двойную функцию, которую любое высказывание с глаголом-сказуемым имеет в рамках текста. Членение бытийной перифразы на тему-рему я называю членением на тему и рему *второго* порядка и отличаю его от членения на тему и рему *первого* порядка, которое описывает коммуникативную функцию отдельных компонентов внутри обозначения ситуации и относится, таким образом, в терминологии Ш. Балли к "диктуму". Членение на тему-рему первого порядка включается в членение на тему-рему второго порядка, т. е. оно становится на место имени события в бытийной перифразе. Таким образом, для нашего примера *Петя СОКРАТИЛ свою статью (или он ее полностью переработал)?* в экспликативной интерпретации мы получаем следующую схему:

(4б) [имело место] _{тема} [[Петя, свою статью] _{тема} [СОКРАТИЛ] _{рема}] _{рема}? Эти вводные замечания показали, что вопросы в рамках текста имеют две различных функции, как экзистенциальную, так и экспликативную функцию. Теперь мне хотелось бы проанализировать четыре типа вопросов, представленных у Ш. БАЛЛИ, под этим углом зрения. Начнем с диктальных вопросов.

1. "Диктальные" вопросы

"Диктальные" вопросы - это вопросы, которые вводятся вопросительным словом. Я присоединяюсь к П. АДАМЦУ [7: 101] и называю их *комплементативными* вопросами. Комплементативные вопросы содержат неизвестное. Адресат должен заполнить компонент, который обозначен вопросительным словом. Если спрашивающий задает комплементативный вопрос, то он исходит из того, что в рамках данного дискурса какая-то ситуация имела место, а вопрос относится к обозначению этой ситуации, существование (фактичность) которой предполагается. В связи с этим комплементативные вопросы всегда являются экспликативными вопросами. При этом комплементативные вопросы различаются объемом информации, которая находится в распоряжении спрашивающего. Когда ему известен глагол-предикат, т. е., когда он знает, о какой ситуации идет речь, и вопрос, таким образом, относится не к глаголу, а к любому другому компоненту обозначения ситуации, тогда в терминологии Ш. БАЛЛИ мы имеем дело с "частичным диктальным" вопросом. А если спрашивающему обозначение глагола-предиката неизвестно, т. е., если он не знает, как обозначается ситуация, существование которой он предполагает, другими словами, если у него нет пропозиционального знания [12: 11], тогда мы имеем дело, в терминологии Ш. БАЛЛИ, с "полным диктальным" вопросом. Начнем с "частичных диктальных" вопросов.

1.1. "Частичные диктальные" вопросы

Примером "частичного диктального" вопроса будет следующий.

(5) Кто купил новый учебник?

Если преподаватель в классе задает ученикам такой комплементативный вопрос, то он исходит из того, что хотя бы один ученик купил новый учебник, т. е., он предполагает, что хотя бы одна ситуация, обозначенная как *покупка*, осуществилась. С помощью этого вопроса спрашивающий хочет выяснить, кто из учеников осуществил ситуацию, обозначенную как *покупка*. Когда на этот вопрос дается ответ *ПЕТЯ купил* или просто *ПЕТЯ*, тогда этот ответ имеет двойную функцию. Он, во-первых, подтверждает предположение спрашивающего, что хотя бы

одна покупка имела место, и, во-вторых, сообщает спрашивающему неизвестный ему компонент в обозначении ситуации, а именно, кто осуществил ситуацию, обозначенную глаголом *купить*.

(5a) - Кто купил новый учебник?

- ПЕТЯ купил.

Предположение существования образует, тем самым, предполагаемую информацию этого вопроса. А вопрос относится к той части обозначения ситуации, которая неизвестна, и которая в вопросе представлена вопросительным словом. Поэтому в бытийной перифразе бытийный глагол будет темой, а описание ситуации - ремой второго порядка. Однако обозначение ситуации неизвестно только частично, так как ситуация, существование которой предполагается, в вопросе обозначена как *покупка учебника*. Неизвестен из компонентов внутри обозначения в нашем примере только агенс. Объем этого знания можно представить членением на тему и рему первого порядка. Это членение первого порядка включается в рему бытийной перифразы, так что получается для вопроса в примере (5) следующая схема:

(5б) [имело место]_{тема} [[купил учебник]_{тема} [X]_{рема}]_{рема}

Отвечающий может и отвергнуть предположение спрашивающего о существовании ситуации, которое он делает с помощью "частичного диктального" вопроса. В таком случае он должен употребить отрицательное местоимение и общее отрицание.

(б) - Кто купил новый учебник?

- Никто его не покупал / купил.

С помощью отрицательного местоимения отрицается существование агенса в дискурсе, существование которого спрашивающий предполагал, употребив местоимения *кто*. Так как ситуация, обозначаемая через глагол *купить*, может иметь место в своей фактичности только тогда, когда имеется агенс, с отрицанием существования агенса одновременно отрицается и существование ситуации *покупки*. Поэтому в русском языке, в отличие от немецкого языка, и глагол-сказуемое должен быть введен отрицательной частицей. Отрицание глагола-сказуемого относится к существованию ситуации *покупка* в рамках данного дискурса. Таким образом, мы имеем дело с общим отрицанием. Поэтому носителем интонационного центра в бытийной перифразе будет бытийный глагол, который представляет собой рему второго порядка.

(ба) [покупки учебника]_{ТЕМА} [НЕ БЫЛО]_{РЕМА}

Частичный комплементативный вопрос, такой как *Кто купил новый учебник?*, может относиться не только к ситуации, существование которой спрашивающий в рамках дискурса предполагает, но и к ситуации,

которая уже введена в дискурс как существующая, как в следующем примере.

(7) Кто купил новый учебник, который здесь лежит?

Если, как в примере (7), ситуация, агенс которой запрашивается, уже введена в дискурс в своем существовании, то вопрос не допускает ответа с общим отрицанием. Поэтому отрицательная частица перед глаголом-сказуемым в ответе может относиться только к обозначению ситуации, т. е., к способу ее осуществления.

(7а) - Кто купил новый учебник, который здесь лежит?

- Его не КУПИЛИ, а, насколько я знаю, в БИБЛИОТЕКЕ взяли.

В ответе мы имеем дело не с общим, а с частным отрицанием, которое в терминологии Ш. БАЛЛИ относится не к "модусу", а к "диктуму". Коммуникативная структура этого ответа с частным отрицанием может быть представлена следующей схемой:

(7б) [имело место] тема [[его] тема [НЕ КУПИЛИ] рема] рема

1.2. "Полные диктальные" вопросы

Теперь обратимся к полному комплементативному (в терминологии Ш. БАЛЛИ к "полному диктальному") вопросу. Если спрашивающий задает такие "полные диктальные" вопросы, как, например *Что случилось? Что имело место? Что произошло? В чем дело?*, то он, так же как и при "частичном диктальном" вопросе, исходит из того, что какая-то ситуация имела место. Но в отличие от "частичного" вопроса ему в данном случае неизвестно также и обозначение предикативного компонента ситуации. Спрашивающий не знает обозначения ситуации, существование которой он предполагает, другими словами, у него нет пропозиционального знания. При этом вполне возможно, что спрашивающему уже известны отдельные компоненты обозначения ситуации, т. е., что они уже введены в своем обозначении в дискурс. Знание спрашивающего о существовании какой-то ситуации в "полных диктальных" вопросах может быть основано на ситуации (экзофорически) или на предтексте (эндофорически). Если это знание задано экзофорически, тогда оно основано на чувственном восприятии. Человек, который слышит странный шум в соседней квартире, в силу нашего убеждения, что любое событие имеет причину, исходит из того, что шум вызван какой-то ситуацией, существование которой, таким образом, предполагается. С помощью таких вопросов, как *Что это был вчера за шум за стеной? Что вчера происходило в соседней квартире?* запрашивается обозначение ситуации, существование которой спрашивающий предполагает на основе услышанного шума. В бытийной перифразе информация о существовании представляет собой тему, а описание ситуации - рему второ-

го порядка. Внутри обозначения ситуации, т. е., внутри ремы второго порядка, в отличие от "частичного диктального" вопроса, и глагол-сказуемое неизвестен.

(8) - Что это был вчера за шум за стеной?

- Наши соседи ПИАНИНО передвигали.

С помощью ответа, во-первых, подтверждается заданное в вопросе предположение, что в соседней квартире что-то имело место, что вызвало шум, и, во-вторых, что то, что имело место, было *передвижением пианино*. Ответ в нашем примере представляет собой так называемое категорическое высказывание, т. е., высказывание, которое имеет тему первого порядка.

(8a) [имело место]_{тема} [[соседи]_{тема} [передвигали ПИАНИНО]_{рема}]_{рема}

Предположение о существовании в "полном диктальном" вопросе может быть задано и экзофорически, т. е., посредством ситуации, введенной в предтексте. Когда кто-то рассказывает, что вчера вдруг остановилась его машина, тогда этим сообщением благодаря принципу каузальности, а именно убеждению, что любое событие имеет причину, вводится еще одна ситуация в своем существовании, которая является причиной для неожиданной остановки машины. Другими словами, такими вопросами, как *Что случилось? Что произошло? В чем дело?* запрашивается обозначение ситуации, существование которой предполагается как причина ситуации, введенной в предтексте. Через ответ *Мотор отказал* подтверждается предположение о существовании ситуации, заданном в вопросе, и одновременно эта ситуация обозначается как *отказ мотора*.

(9) <Вдруг остановилась машина.>

- Что случилось?

- МОТОР отказал.

Ответ в нашем примере представляет так называемое тетическое ("thetic") высказывание, т. е. высказывание без темы первого порядка.

(9a) [имело место]_{тема} [[отказал МОТОР]_{рема}]_{рема}

2. "Модальные" вопросы

"Модальные" вопросы в классификации Ш. БАЛЛИ - это *да-нет*-вопросы или общие вопросы. Я в дальнейшем буду использовать терминологию П. АДАМЦА и буду именовать их *верификативными* вопросами. Верификативные вопросы Ш. БАЛЛИ тоже делит на "частичные" и "полные модальные" вопросы. Далее мне хотелось бы показать, что это различие у "модальных" вопросов относится не к коммуника-

тивной функции компонентов внутри обозначения ситуации, как у "диктальных" вопросов, а к различной функции, которую такие вопросы могут иметь в тексте, а именно к различию между экспликативными и экзистенциальными вопросами. Начнем с "частичных модальных" вопросов.

2.1. "Частичные модальные" вопросы

Ш. БАЛЛИ приводит следующий пример для частичного "модального" вопроса:

(10) Павел пошел в ШКОЛУ?

С помощью этого вопроса в полной аналогии к частичному "диктальному" вопросу *Куда Павел пошел?* предполагается существование ситуации. Эта ситуация описывается посредством глагола *пошел*, но запрашивается правильность другого компонента ситуации, обозначенный посредством глагола-сказуемого *пошел*, а именно является ли место, куда Павел пошел, *школой*. От соответственного диктального вопроса *Куда Павел пошел?* "частичный модальный" вопрос отличается только тем, что в "модальном" вопросе неизвестный компонент, а именно цель движения, специфицирован, в нашем примере через *в школу*. Адресат должен подтвердить или подвергнуть отрицанию правильность обозначения этого компонента. "Частичные диктальные" и "частичные модальные" вопросы, таким образом, не различаются в их коммуникативной функции. Оба вопроса в терминологии Ш. БАЛЛИ относятся к "диктуму", к обозначению ситуации. В обоих случаях предполагается существование ситуации, обозначение которой известно, и цель у обоих вопросов состоит в том, чтобы выяснить частичный компонент внутри обозначения ситуации. Так как "частичный диктальный" и "частичный модальный" вопросы не различаются в своей коммуникативной функции, они могут быть скомбинированы.

(10а) Куда Павел пошел? Он в ШКОЛУ пошел?

Если адресат подтверждает правильность обозначения запрошенного компонента, то он тем самым подтверждает, с одной стороны, правильность предположения спрашивающего о существовании ситуации, т. е., что какая-то ситуация, в нашем примере обозначенная как *пошел*, имела место, и, во-вторых, одновременно подтверждает правильность выбранного обозначения компонента *в школу*.

Если адресат отвергает правильность обозначения запрошенного компонента, то он имеет два способа отрицания. В отрицательном ответе на "частичный модальный" вопрос можно отрицать правильность обозначения запрашиваемого компонента или предполагаемое существование ситуации. Если отрицается правильность обозначения

запрошенного компонента, как в примере (10б), то мы имеем дело с частным отрицанием.

(10б) - Павел пошел в ШКОЛУ?

- Нет, он пошел не в ШКОЛУ.

С помощью частного отрицания подтверждается предположение спрашивающего о том, что ситуация, обозначенная глаголом-сказуемым *пошел*, имела место. Отрицание относится, таким образом, только к запрошенному компоненту обозначения ситуации. Поэтому частному отрицанию в бытийной перифразе соответствует бытийное предложение без отрицания бытийного глагола. Бытийный глагол образует тему бытийной перифразы, а обозначение ситуации - рему бытийной перифразы. Интонационный центр приходится на отрицаемый компонент описания ситуации.

(10в) [имело место]_{тема} [[Павел пошел]_{тема} [не в ШКОЛУ]_{рема}]_{рема}

Однако "частичный модальный" вопрос допускает и общее отрицание.

(10г) - Павел пошел в ШКОЛУ?

- Нет, он не ПОШЕЛ /ХОДИЛ в школу.

Общим отрицанием отрицается существование ситуации, обозначенной глаголом-сказуемым *пошел*, в рамках данного дискурса. Поэтому в бытийной перифразе тема и рема меняются местами. Обозначение ситуации составляет тему бытийной перифразы, а отрицаемый бытийный глагол - рему.

(10д) [Павел пошел в школу]_{тема} [НЕ ИМЕЛО МЕСТО]_{рема}

Таким образом, стало ясно, что вопросы, которые Ш. Балли классифицирует как "частичные модальные", относятся не к "модусу", а к "диктуму". "Частичные модальные" вопросы являются экспликативными вопросами. Говорящий, который задает "частичный модальный" вопрос, предполагает по аналогии к "частичному диктальному" вопросу существование какой-то ситуации в дискурсе.

2.2. "Полные модальные" вопросы

Ш. Балли "модальные" вопросы также делит на "частичные" и "полные". Можно было бы ожидать, что это различие соответствует различию между "частичными" и "полными" диктальными вопросами, т. е., что под "полными модальными" вопросами имеются в виду вопросы, которые соответствуют "полным диктальным" вопросам типа *Что случилось?*, или *Что имело место?*, и в которых, в соответствии с "полными диктальными" вопросами, и глагол-сказуемое вопроса неизвестен и запрашивается правильность его обозначения.

Но это не так, как показывает приводимый Ш. БАЛЛИ вопрос *Павел ПОШЕЛ в школу?* и его комментарий к этому примеру. Без дальнейшего контекста этот вопрос получает экзистенциальную интерпретацию. С помощью вопроса *Павел ПОШЕЛ в школу?* запрашивается, имела ли место ситуация, обозначенная в нашем примере глаголом-сказуемым *пошел*. Таким образом, становится ясно, что вопросы, которые Ш. БАЛЛИ называет "тотальными модальными" принципиально отличаются от всех до сих пор рассмотренных вопросов. Выше уже было показано, что и вопросы, которые Ш. БАЛЛИ именует "тотальными" и "частичными диктальными", и вопросы, именуемые им "частичными модальными", являются экспликативными вопросами. В них всегда предполагается существование, фактичность какой-то ситуации. В бытийной перифразе бытийный глагол образует тему, т. е. предполагаемую информацию. Напротив, функция вопросов, которые Ш. БАЛЛИ называет "тотальными модальными" состоит в том, чтобы запрашивать существование, фактичность обозначаемой ситуации в рамках данного дискурса. Эти вопросы являются, таким образом, экзистенциальными вопросами. В бытийной перифразе бытийный глагол составляет не тему, а ремю бытийного предложения.

(11) Павел ПОШЕЛ в школу?

[Павел пошел в школу] ТЕМА [ИМЕЛО МЕСТО] РЕМА?

Экзистенциальные вопросы - в терминологии Ш. БАЛЛИ "тотальные модальные" вопросы - характеризуются тем, что интонационный центр всегда приходится на глагол-сказуемое, так как только спрягаемая форма предиката может быть носителем информации о существовании. Именно в этом и состоит принципиальное отличие экзистенциальных верификативных от экспликативных верификативных вопросов, - в терминологии Ш. БАЛЛИ от "частичных модальных" вопросов - в которых, как мы видели, место интонационного центра является подвижным и определяется актуальным членением внутри обозначения ситуации, т. е., актуальным членением первого порядка.

Однако, интонационный центр в верификативных вопросах на глаголе-сказуемом не является однозначным критерием для экзистенциального вопроса. Как показал наш пример, приведенный вначале данной работы, *Петя СОКРАТИЛ свою статью?*, верификативные вопросы с акцентом на глагольной форме допускают и экспликативную интерпретацию. Экзистенциальная и экспликативная интерпретация в бытийной перифразе различаются положением интонационного центра. При экзистенциальной интерпретации, как мы видели, интонационный центр приходится на бытийный глагол, при экспликативной интерпретации, напротив, на описание ситуации.

Таким образом стало ясно, что Ш. БАЛЛИ в своей классификации вопросов употребляет понятие «модальный» в двух разных значениях. Вопросы, которые Ш. БАЛЛИ называет «полными модальными», относятся к существованию обозначаемой ситуации. Они запрашивают существование обозначенной ситуации в рамках данного дискурса. Таким образом, мы на самом деле имеем дело с модальными вопросами. Они относятся к «модусу» (в терминологии Ш. ФИЛМОРА [10: 23] – к модальному конституенту (modality constituent) высказывания), т. е., к существованию ситуации и его характеристике как фактической, возможной, желательной и так далее. В отличие от этого, «частичные модальные» вопросы относятся не к существованию ситуации, а, в полной аналогии к «диктальным» вопросам, к описанию ситуации. Другими словами, «частичные модальные» вопросы являются, в терминологии Ш. БАЛЛИ, «диктальными» вопросами, которые характеризуются тем, что в них запрашивается правильность обозначения ситуации, существование которой предполагается. Приведенная ниже таблица обобщает результаты, к которым мы пришли. Используемая терминология Ш. БАЛЛИ приводится в кавычках.

1. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

«Interrogation modale totale»

*Он ПОШЕЛ в школу?
Est-il allé à l'école?*

2. ЭКСПЛИКАТИВНЫЕ ВОПРОСЫ

2.1. Комплементативные вопросы (X-вопросы)

2.1.1. Частичные комплементативные вопросы

«Interrogation dictale partielle»

*Кто только что вышел? (Павел)
Qui vient de sortir? (Paul)*

2.1.2. Полные комплементативные вопросы

«Interrogation dictale totale»

*Что случилось? (Машина только что задавила пешехода.)
Qu'est-il arrivé? (Une auto vient d'écraser un piéton.)*

2.2. Верификативные вопросы (да-нет-вопросы, общие вопросы)

2.2.1. Частичные верификативные вопросы

«Interrogation modale partielle»

*Павел пошел в ШКОЛУ?
Est-ce à l'école que Paul est allé?*

2.2.2. Полные верификативные вопросы

Отсутствуют в классификации Ш. БАЛЛИ

В этой схеме имеется лакуна. Внутри экспликативных верификативных вопросов отсутствуют полные экспликативные верификативные вопросы, т. е., вопросы, которые соответствуют полным комплементативным вопросам, типа *Что случилось? Что имело место?* В связи с этим возникает вопрос, имеются ли в терминологии Ш. БАЛЛИ, по аналогии с "полными диктальными" вопросами типа *Что имело место?*, и полные верификативные вопросы, т. е. *да-нет-вопросы*, с помощью которых в отличие от частичных верификативных вопросов запрашивается правильность и обозначение глагола-сказуемого. Такие вопросы есть. Вот несколько примеров:

(12) <Почему ты хромаешь?> НОГА болит?

(13) Ты что - мое ПИСЬМО выбросил?

(14) <Что это за шум?> ДЕТИ вернулись?

По аналогии с частичными вопросами эти вопросы также предполагают существование ситуации. Однако, в отличие от частичных верификативных вопросов, у полных верификативных вопросов и обозначение глагола-сказуемого остается неизвестным. Спрашивающий исходит из того, что что-то имело место, но он не знает, как эта ситуация обозначается, т. е., о какой ситуации идет речь. Таким образом, тотальные верификативные вопросы совпадают с тотальными комплементативными вопросами в том, что в обоих вопросах предполагается существование какой-то ситуации. Для обоих вопросов далее верно, что неизвестно обозначение самой ситуации, иными словами, у спрашивающего, как и у тотального комплементативного вопроса, нет пропозиционального знания. В отличие от тотального комплементативного вопроса, в котором неизвестный глагол-предикат запрашивается вопросительным словом *что* вместе с бытийным глаголом, в соответственном тотальном верификативном вопросе неизвестное спрашивающему обозначение ситуации уже специфицировано и адресат вопроса должен подтвердить или отрицать правильность этого обозначения. Таким образом, тотальный верификативный и тотальный комплементативный вопросы не различаются в своей коммуникативной функции. В обоих случаях мы имеем дело с экспликативными вопросами. Поэтому их можно комбинировать.

(15) Что случилось? СТАКАН разбился?

Предположение о существовании какой-то ситуации, а именно, что нечто имело место, основывается у полного верификативного вопроса, так же, как и у полного комплементативного вопроса, на принципе каузальности, на убеждении, что любое событие имеет причину. С помощью вопроса о причине имевшей место ситуации вводится другая ситуация в своем существовании. Обозначение этой ситуации, которая введена как причина имевшей место ситуации, может быть запрошено

посредством тотальных комплементативных вопросов типа, *Что имело место?* или *Что произошло?* Однако, говорящий может и сам задать обозначение этой ситуации и запросить, верно ли выбранное им обозначение.

(16) <Что это за шум?> ДЕТИ вернулись?

Воспринимаемый шум имеет причину. На основе этого предположения введена в текст вторая ситуация в своем существовании, а именно ситуация, которая является причиной воспринимаемого шума. С помощью такого вопроса, как *ДЕТИ вернулись?* запрашивается правильность обозначения ситуации, которая составляет причину воспринятого шума. Тотально-верификативные вопросы, такие как (*Что случилось?*) *КЛЮЧ потерял? ДЕТИ заболели? АНТОН вернулся? ПИСЬМО выбросил?* являются экспликативными вопросами. Запрашивается правильность обозначения ситуации, существование которой предполагается. Поэтому в бытийной перифразе этих вопросов интонационный центр приходится не на бытийный глагол, а, как и всегда у экспликативных вопросов, на обозначение ситуации, которое таким образом образует рему в бытийной перифразе.

(16a) [имело место]_{тема} [возвращение ДЕТЕЙ]_{рема} ?

Полные экспликативные верификативные вопросы и соответственные повествовательные предложения типа, *Тише, БАБУШКА спит* описаны на русском материале в работах И. КОБОЗЕВОЙ [2] и Т. ЯНКО [6], в которых также детально описываются факторы, определяющие порядок слов и место интонационного центра. Дополнительные наблюдения к этому типу вопроса можно найти в работах [3, 4, 5 и 11]. Высказывания, в которых предполагается информация о существовании некой ситуации в рамках данного текста и которые относятся "к ситуации в целом", в этих работах называются высказываниями с неингерентной темой. С помощью этого названия хотят подчеркнуть, что экспликативные высказывания этого типа всегда зависят от контекста. Эта зависимость проявляется в том, что высказывания с неингерентной темой информируют о причине ситуации, заданной в предтексте. Выделение внутри экспликативных вопросов комплементативных и верификативных и дальнейшее различение внутри экспликативных верификативных полных и частичных позволяет наглядно представить функцию так называемых вопросов с неингерентной темой. Делается более ясной связь между полными комплементативными вопросами типа *Что случилось? Что имело место?*, с одной стороны, и полными верификативными вопросами типа *Ты упал? Ключ потерял?*, с другой стороны. Общим у них является то, что в обоих случаях для спрашивающего оказывается

неизвестно, о какой ситуации идет речь, т. е., говорящий исходит из того, что какая-то ситуация имела место, но он не знает обозначение этой ситуации, иными словами, у него нет пропозиционального знания.

Выводы

В данной статье я описал принципиальное различие между экзистенциальными и экспликативными вопросами. Мне хотелось бы показать, что коммуникативное различие между этими вопросами может быть представлено через их преобразование в бытийное предложение и применение к этому преобразованию членения на тему и рему. Экзистенциальные вопросы запрашивают существование, фактичность ситуации в рамках данного текста. В классификации Ш. БАЛЛИ они относятся к "тотальным модальным" вопросам. В бытийной перифразе интонационный центр приходится на бытийный глагол, который таким образом составляет рему бытийного предложения. В отличие от этого экспликативные вопросы относятся к обозначению ситуации, существование которой предполагается. В бытийной перифразе интонационный центр находится на событийном имени, так как экспликативные вопросы характеризуются тем, что в них предполагается существование ситуации в рамках данного текста. Поэтому в бытийной перифразе, в отличие от экзистенциальных вопросов, бытийный глагол составляет не тему, а рему бытийной перифразы. Было выявлено, что вопросы, которые Ш. БАЛЛИ классифицирует как "частичные модальные", на самом деле представляют собой экспликативные вопросы. А экспликативные вопросы в терминологии Ш. БАЛЛИ относятся не к "модусу", а к "диктуму".

Литература

- 1 Балли Ш. (1955)
Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва
- 2 Баранов А. Н., Кобозева И. М. (1983)
Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки). *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 42*, 263-274.
- 3 Кодзасов С. В. (1985)
Интонация вопросительных предложений: форм и функции. *Диалогическое взаимодействие и представление знаний*. Новосибирск, АН СССР, 48-63.
- 4 Николаева Т. М. (1982)
Семантика акцентного выделения. Москва, Наука.
- 5 Шатуновский И. Б. (2001)
Основные коммуникативные типы (общих) вопросов в русском языке. *Русский язык: Пересекая границы*. Гиро-Вебер М., Шатуновский И. Б. (отв. ред.). Дубна, 246-265.
- 6 Янко Т. Е. (2001)
Коммуникативные стратегии русской речи. Москва, Языки славянской культуры.
- 7 Adamec P. (1978)
Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Acta Universitatis Carolinae Philologica. Monographia LXIX. Praha, Univ. Karlova.

- 8 Bally Ch. (1950)
Linguistique générale et linguistique française. Bern, Francke.
- 9 Dijk A. A. van (1972)
Some aspects of text grammars. (Janua linguarum. Series Maior 63) Den Haag, Mouton.
- 10 Fillmore Ch. J. (1968)
The Case for Case. *Universals in Linguistic Theory* Bach E., Harms R.T. (eds.) London, Holt, 1-88.
- 11 Mehlig H. R. (1994)
Explikative Äußerungen. Überlegungen zur Informationsstruktur. *Slavistische Linguistik 1993*
(Slavistische Beiträge 319), München, Sagner, 181-224.
- 12 Yokoyama O. T. (1986)
Discourse and Word Order. (Pragmatics & Beyond Companion Series 3) Amsterdam, Benjamin.

Christian-Albrechts-Universität Kiel
Institut für Slavistik
E-mail: mehlig@slav.uni-kiel.de